

БРИТ БИЛЬДЁЭН
ЖЕЛТЫЙ
УРОВЕНЬ
ОПАСНОСТИ

BRIT BILDØEN

**GULT
FAREVARSEL**

БРИТ БИЛЬДЁЭН
**ЖЕЛТЫЙ
УРОВЕНЬ
ОПАСНОСТИ**

РОМАН

Перевод с норвежского
Александры Ливановой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Б61

Published in agreement with STILTON LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Бильдээн, Брит.

Б61 Желтый уровень опасности : роман / Брит Бильдээн; пер. с норв.
А. Ливановой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-17-172183-1

Когда Дорте приезжает в роскошный гостевой дом на природе, над окрестностями уже сгущается буря. Вся семья соберется здесь на выходные, чтобы отметить золотую свадьбу родителей: ожидается и брат Дорте, и сестра с мужем и собакой. Но Дорте почти сразу начинает сожалеть о своем решении собрать всю семью в таком уединенном месте. Разразившаяся буря отрезает дом от внешнего мира: оползень блокирует дорогу, и семья оказывается заперта внутри вместе с двумя незнакомыми охотниками, случайно нашедшими здесь убежище. Дорте еще не знает, что оползень — лишь начало цепи событий, которые навсегда изменят жизнь каждого из них.

“Желтый уровень опасности” — роман о людях и животных, о страхе и близости, о том, как мы воспринимаем друг друга и природу, частью которой неизбежно остаемся.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-172183-1

- © Brit Bildøen, Det Norske Samlaget, 2023
- © А. Ливанова, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

ПЯТНИЦА

9

СУББОТА

61

ВОСКРЕСЕНЬЕ

217

ПЯТНИЦА

Дорте

На последнем взгорке машина забуксовала, и Дорте ужаснулась при мысли, что всего через пару часов тем же путем поедет отец. Дорога грунтовая, ее развезло почти на всем пути, под колесами глина. От шоссе до горного хутора всего-то несколько километров. Но этого точно более чем достаточно. Ели по сторонам раскисшей дороги с каким-то осуждением опустили насквозь промокшие ветви: *это ты придумала*. Именно эта мысль придет в голову каждому, подъезжающему к Иннсетре. *Это Дорте придумала*.

Дорте в своем репертуаре, скажет Анетте Яну Инге, когда их машина застрянет и колеса будут всё глубже погружаться в грязь. Дорте в своем репертуаре, приспичило же ей вытащить нас сюда на выходные в этот мрачный и промозглый октябрь.

Так ведь родители поженились в октябре, и на эти выходные тому стукнет как раз пятьдесят лет. Отмечать-то приличествует день в день, думает Дорте, приближаясь к двум толстым обрубкам бревна, покрашенным в темно-коричневый цвет. Видимо, они

служат воротами. Дорте сворачивает с грунтовой дороги в эти ворота. Проехав немного вниз по неровному склону, она наконец видит хутор.

Дорте как наяву слышит, как будет брюзжать Анетте: ну да, но можно же было отпраздновать юбилей в гостинице рядом с домом. И отец скорее всего ее поддержит. Ведь тогда бы не пришлось тащиться в такую даль. Не пришлось бы паковать чемоданы, запирать дом на все замки, перенастраивать термостаты, чтобы температура в доме была пониже, выдергивать электроприборы из розеток, просить соседей доставать газеты из почтового ящика; заботы, сплошные заботы.

А Карл, интересно, что думает он? Ее брат-близнец держит свое мнение при себе, сидит себе, ухмыляется, будто все, что говорится и делается вокруг, пустое. Карл рано отделился от них. Окончив школу, он не находил нужным ставить их в известность о том, где он, чем занимается. Но ему и добираться сюда дольше всех — из Марокко, куда он ездил на серфинг. Прислал ей только сообщение: окей, буду. Куда больше артачились все остальные — непонятно почему, им сюда езды меньше двух часов, даже полезно немного проветриться.

На первый взгляд тутюшние строения кажутся маленькими и какими-то линиялыми. Но что в такую погоду не выглядит серым и унылым? Ее коллега, вот только что отметившая здесь, на Иннсетре, свое пятидесятилетие, на все лады расхваливала атмосферу, обслуживание, еду и упирала еще на то, что хозяин хорошо разбирается в винах. В гостинице, где их семья обычно отмечает важные события, их ждало бы то же, что и всегда, и белое вино — полусухое — по-

дали бы неохлажденным. Разве люди, прожившие в браке пятьдесят лет, не заслуживают чего-нибудь менее рутинного?

Дорте паркуется рядом с единственным на площадке автомобилем — не слишком чистым серебристо-серым фургоном. Осторожно спускает ноги на грязную землю. Белые кроссовки здесь определено не к месту. Вытянув шею, Дорте пытается сопоставить окружающее с картинкой, которую ей показывали в городе. На ней хутор в освещении факелов выглядел колдовским и манящим. Но конечно же, ближе к вечеру хозяева зажгут факелы.

Небольшой двор хутора образован тремя зданиями. Двухэтажный бревенчатый дом застекленной галереей соединяется с деревянной пристройкой пониже. Прямо напротив деревянного домика стоит слегка покосившийся старинный амбар. В амбаре расположен дорогой номер, где она предполагала разместить родителей. Но Дорте сразу видит, что старая каменная лестница слишком крута для отца. Тогда, пожалуй, пусть родители лучше разместятся в главном здании, чтобы им не нужно было под дождем, если он не перестанет, таскаться через двор. А прогноз обещает затяжные дожди. Сильные ливни не прекращаются в Южной Норвегии уж скоро неделю. Вдохнув, Дорте поднимает глаза к небу. В какой-то момент казалось, что вот-вот развиднеется, но тучи над ее головой стянулись в мрачный сжатый кулак. На лоб падает несколько легких капель. Ну ладно, с погодой никто ничего поделать не может. А вот дорогой номер... Может быть, Анетте и Ян Инге более одобрительно отнесутся к этой поездке, если им достанутся кровать с балдахином и деревянный мини-бассейн?

Хлопает дверь, и Дорте оборачивается на этот звук. Из здания, которое, как ей думается, главное здесь, вышел мужчина. Стоит, вытирает руки о передник. В темноте крыльца яркими пятнами выделяются красный передник и белозубая улыбка.

— Не надо там стоять, промокнете! — кричит он.

Дорте достает из машины сумочку и шагает ко входу.

— Я так рано никого не ждал, — говорит мужчина, протягивая ей необсохшую пятерню. — Уле — это я. Как раз нарезаю овощи к сегодняшнему ужину.

— А я Дорте. Извините, что так рано заявила. Мне хотелось немного обвыкнуться, пока не приехали остальные.

Уле придержал для Дорте дверь, и она прошла по короткому коридорчику к приемной. Там темно; хозяин зажигает свечи, приговаривая:

— Знал бы я, что вы приедете, разумеется, затопил бы камин.

— Да все хорошо.

Дорте плотнее запахивается в пальто. Перед большим белым камином расставлены столики и плетеные кресла, накрытые серыми и белыми овчинными ковриками. Приемная явно служит еще и баром. Зайдя за тяжелую сосновую стойку, Уле нажимает на какие-то кнопки. На полках за его спиной высвечиваются ряд за рядом разноцветные бутылки.

— Наверное, рановато для бокальчика за приезд? — смеется он, но не успевает она ответить, как он открывает лежащую на стойке папку. — Мы ведь договаривались, чтобы ужин подать в девятнадцать часов, да?

Его взлохмаченные волосы чуть длинноваты; когда он наклоняется над бумагами, прядь спадает на лоб. Он убирает прядку за ухо и вскидывает глаза на Дорте.

— Да, я всем сказала, чтобы были здесь не позже шести.

— Вам сразу номер показать?

— Да, но я тут засомневалась немножко... Я сначала планировала, чтобы лучший номер достался юбилярам. Но у отца была операция на бедре, и...

Глаза Уле светло-карие, бархатистые. Когда задумывается, морщит лоб. Потом опять улыбается.

— Пожалуй, ты права. Лестница там крутовата. Хочешь посмотреть?

Он берет ключ с прикрепленной к нему деревянной биркой. И ключ, и бирка непривычно большого размера. Снова придерживает для нее дверь. Спешит вместе с Дорте через двор. Теперь дождь стоит стеной, и ей приходится скакать зигзагами, чтобы миновать самые глубокие лужи. Уле уже скрылся в доме, а она только еще добралась до лестницы. Четыре высокие и неровные ступени, потом маленький темный коридор. Первое, что она видит, зайдя в комнату, — огромная кровать с балдахином. Каркас кровати покрашен в красный цвет и украшен тюлевым пологом. Рука Дорте так и тянется пощупать матрас, это не остается незамеченным Уле.

— Этой кровати двести лет, но матрас новый, гарантирую, что без блох!

Обойдя кровать, Дорте идет вслед за ним вглубь помещения. На небольшом возвышении оборудован мини-бассейн, она уже видела его на тщательно изученной странице интернета. Бассейн в форме

бочки наполнен водой. Уле нажимает на кнопку, загорается красная лампочка.

— Я пораньше сегодня набрал воды. Целый час уже нагревается. Я правильно понимаю, что тебе с дороги хочется согреться?

Дорте взглядывает на него с удивлением.

— Ну не знаю... может быть, и не я здесь буду жить.

— Ну ты-то первая приехала! Конечно же лучший номер должен достаться тебе.

Дорте думает о сестре. Пожалуй, амбар покажется Анетте слишком деревенским. Как же соблазнительно сходить за сумками да и расположиться здесь!

— Я, пожалуй, лучше подожду, послушаю, что скажут остальные.

Дорте замечает, что вцепилась рукой в бортик бассейна. А Уле стоит так близко, что она ощущает исходящее от него тепло.

— Извини, — говорит он, и она спохватывается, что, стоя тут, мешает ему пройти. Дорте торопится убрать руку с бортика. Торопливо и неуклюже шагает назад, покачивается. Уле реагирует мгновенно, подхватывает ее под локоть и не дает упасть.

— Чуть не считается! — Приобняв ее и другой рукой тоже, он разглядывает ее с озабоченным выражением лица. — Все в порядке?

— Да-да, — бормочет она, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

Он осторожно ведет ее вокруг кровати.

— Этот номер мы часто сдаем молодоженам. А иностранные туристы видят тут экзотику.

— Здесь очень красиво, — говорит Дорте. — Романтично.

После полутьмы амбара дневной свет режет глаза, хотя небо над хутором накрыло тучами еще плотнее. Остановившись в дверях, Дорте вглядывается в серую пелену дождя, скрывающую и вид, и те осенние краски, которые еще должны бы оставаться в природе. Не так она представляла себе празднование юбилея, планируя его. Сейчас же дождь будто пронизывает ее всю и смывает все, что она себе нафантазировала, думая об этой поездке; неспешные прогулки среди желто-красного великолепия, вылазку в горы с Карлом, шезлонги на террасе. Устроившись там, они наслаждались бы теплыми лучами солнца, видом на долину, бокалом терпкого сухого белого вина.

Уле остановился рядом с ней. Они стоят и молчат. Ему тоже несладко, конечно, принимать клиентов в такую погоду. Он моложе, чем Дорте представляла себе. Или моложавее, кто знает. Здесь, в горах, неплохо им живется, наверное. Свежий воздух, походы, местные продукты. Да еще и покой. Покой. Она глубоко вздыхает.

— Если хочешь, идем со мной на кухню, составишь мне компанию, — говорит Уле. — А то мне пора уже заняться ужином. Могу налить тебе бокальчик, пока ты ждешь приезда остальных.

Кухня на удивление индустриальная, строгая и аккуратная: много блестящих стальных поверхностей и две огромные плиты. На одном из столов высятся горы моркови, картошки и лука.

Меню они подробно обсуждали по телефону и электронной почте. Договорились, что в первый вечер будет подано фирменное блюдо — рагу из лосятины с домашними лепешками и органической сметаной с одного из хуторов в долине.